

Андрей Смирнов,
кандидат исторических наук

ИМЯ ПОЛКА

О. А. Кипренский.
Портрет лейб-гусарского полковника
Е. В. Давыдова. 1809 г.

Имя полка — такой же символ, как мундир или знамя. «Надобно знать, — писал один из ветеранов Кавказской войны, — до какой степени напоминание славного имени полка действует на кавказских солдат. «Помните, что вы Кабардинцы», — это слово всегда равнялось нескольким тысячам подкрепления»¹. А вот картина с натуры, сделанная офицером другого кавказского полка — Кулинского. «С самого начала дела (5 июня 1845 года. — А. С.) один молодой солдат, размахивая в воздухе винтовкой, кричал: «Прочь, татары, Кулинцы идут!» Это восторженное восклицание стало как бы общим боевым кличем, перекатилось среди гор в тысячу эхо и возбудило наших храбрецов»². Отчаянно защищаемая мюридами Шамиля гора Анчимеер была взята.

«Я считаю долгом доказать вам, что я тоже хочу быть старым Кулиным; «вели себя, как старые Угличане»; «каждый думал одно: «я Ахтырец» — подобные фразы были наполнены вполне конкретным содержанием. «Это был наш титул», — мог бы сказать каждый вслед за офицером Нижегородского драгунского полка, выразившимся так о слове «нижегородцы».

Но дело не только в исторических ассоциациях. Истинные военные отмечали и другое: исконное имя полка есть «родное и дорогое ему уже по одному своему звуку...»³.

Наименования частей никогда не оценивались как «звуковые» или «неказистые» — они могли быть только «родными» или «чужими». Если у части был только номер, он считался точно так же, как имя.

Какие же имена носили части русской армии? Большинство полков «регулярного войска», создавшегося Петром I с 1699 года, вначале именовались по фамилиям своих «полковников» (то есть коман-

диров или шефов): Юнголов (Томаса Юнгера), Романа Брюса, Алартов (фон Алларта) и т. п. Названия частей постоянно варьировались: то Шарфов, то Андреев полк Шарфа и т. п.; полк князя А. Д. Меншикова обозначался иногда как Княжой, а полк фельдмаршала Б. П. Шереметева — как Фельдмаршалов. Некоторые полки назывались по месту формирования, стоянки или приписки — Смоленский, Белгородский (он же Айгустова), Семеновский, Ингерманландский и другие.

В октябре 1706 года драгунские, а 10 марта 1708-го и большинство пехотных полков получили названия русских городов и областей. Уже в 1802 году граф С. Р. Воронцов писал, что Петр пошел на это, «чтобы солдаты больше полюбили знамена, под которыми сражались», чтобы «солдат почитал себя принадлежностью государства», «а когда полки прозвались именами генералов, те же солдаты считали, что они принадлежат этим генералам»⁴. В этом объяснении, несомненно, отразились мысли и чувства военных эпохи Петра I, который, наоборот, называл полки именами их шефов. Однако из документа, опубликованного в 1915 году Н. Ф. Зезюлинским, видно, что версия Воронцова, скорее всего, верна. Переименовывая пехотные полки, Петр вначале «раздал» названия именно тех городов и земель, которые перечис-

Обер-офицер,unter-офицер и штаб-офицер карабинерных полков.
1763—1778 гг.

лялись в его царском титуле («Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, царь Казанский» и т. д.)⁵.

Совершенно неверно распространенное мнение, что с тех пор в Воронежском полку служили воронежские, в Ярославском — ярославские и т. д. Регулярная армия в России практически никогда не комплектовалась по территориальному принципу; исключением были лишь несколько легкокавалерийских частей в отдельные периоды своей истории. Кроме того, Татарский уланский полк 1807—1833 годов действительно всегда состоял сплошь из литовских татар, а лейб-гвардии Финский стрелковый батальон — из финнов.

Некоторые полки еще долго после 1708 года продолжали по привычке именовать по фамилиям «полковников». Оставшиеся же непереименованными получили названия «по городам» только 13 ноября 1727 года. В 1731-м полки, называвшиеся именем шефа, появились вновь, но до 1796-го (исключая 1762-й) их число никогда не превышало трех. С одной такой частью — кирасирским Миниховым полком — приключилась анекдотич-

ная история. Когда в январе 1742 года низвергнутый с политического Олимпа фельдмаршал Б. К. Миних был осужден, его полк приказали... «оставить без звания» и числить «бывшим Миниховским полком». Только в 1745 году его, наконец, назвали 3-м кирасирским.

Гренадерские полки в 1756—1785, а егерские и карабинерные в 1797—1798 и 1801—1833 годах были номерными.

В 1796—1798 годах все русские полки вновь были названы именами шефов: Павел I копировал порядки любимой им прусской армии. Эту систему номинации пытался возродить еще его отец, Петр III, но тогда, в 1762 году, она проодержалась всего два с половиной месяца. Теперь же — до 31 марта 1801 года; артиллерийские же части носили имена своих командиров или шефов вплоть до 1812 года.

Офицер иunter-офицер Изюмского гусарского полка. 1797—1801 гг.

Кроме забвения ставших уже историческими названий полков, реформа обернулась страшной путаницей: ведь шефы то и дело менялись! Вот типичный пример: 18 октября 1798 года Староингерманландский мушкетерский полк был назван мушкетерским генерал-майора фон Клугена, 2 марта 1799-го — генерал-май-

Офицеры Гродненского и Лубенского гусарских полков.
1809—1811 гг.

ора Штейнгеля, 1 августа того же года — генерал-майора графа Разумовского, а 2 февраля 1800-го — генерал-майора Энгельгардта 1-го... В итоге на вопрос: «Какого ты полка?» — солдаты подчас отвечали так: «Прежде был такого-то полку; а теперь не знаю, батюшка, какому-то немцу дан полк от Государя». «И слова эти сопровождались тяжким вздохом...»⁶

Примерно с 1803 года Александр I начал исподволь реанимировать павловскую систему номинации, а при Николае I этот процесс пошел еще быстрее. В 1852 году из 147 полков армейской пехоты и кавалерии 61 (41,5%) опять называлась по шефу⁷. Только теперь шефы, среди которых стало больше высочайших особ, менялись очень редко. Это дало возможность образовать от их имен, фамилий и титулов обиходные названия полков и служащих в них военных. Так, пехотный графа Паскевича-Эриванского полк (до 1828 года — Ширванский) стали звать «Графским», а его солдат и офицеров — «графцами». Появились «веймарцы» (гусарский наследного гросс-герцога Саксен-Веймарского полк, до 1840-го — Ингерманландский), «воронцовцы», «ольгинцы» и др.

Некоторые из этих обиходных названий прижились и бытовали даже после возвращения полкам их прежних имен. Австрийский и Прусский полки (Кексгольмский и С.-Петербургский grenadierские, ше-

Кавалергардский литаврщик и кавалергард. 1724 г.

фами которых с 1814 года были соответственно австрийский император и прусский король) значатся даже в официальных приказах и реляциях 1877–1878 годов! Любопытно читать в мемуарах участников той войны об атакующих турецкие позиции «пруссаках» и «австрийцах»...

Исконные названия по географическим объектам всем таким полкам вернули 19 марта 1857 года. С тех пор имя шефа присоединялось к этому основному компоненту наименования. С 25 марта 1864 года еще одним его компонентом стал порядковый номер, так что, например, Либавский пехотный принца Карла Пруссского полк превратился в 6-й пехотный Либавский принца Карла Пруссского (обратите внимание на порядок слов!).

У многих полков были «вечные шефы» — монархи прежних лет и знаменитые русские полководцы. Если такая часть получала второго, здравствующего шефа, то называлась так: «4-й пехотный Копорский генерала графа Коновницына, ныне Его Величества Короля Саксонского полк» и т. п. Исключением был 80-й пехотный Кабардинский генерал-фельдмаршала князя Барятинского полк: имя здравствующего шефа (а им с 1879 года был царствующий император) к его наименованию не присоединялось.

В 1891–1917 годах ряд новых частей был назван по местам побед русского оружия: 185-й пехот-

ный Башкадыкларский полк, 192-й Рымникский, 725-й Кулевчинский...

Обратимся теперь к тонкостям другого рода. Как, к примеру, назвать солдата или офицера 197-го пехотного Лесного полка (окрещенного так в память победы Петра I над шведами у деревни Лесной)? «Лесновец?» Нет, «лесной!» Это — реалия.

Служившие в 12-м пехотном Великолукском полку и в разговоре, и на бумаге именовали себя не «великолукцами», а «великолутцами». Те, кто близко соприкасался с 12-м пехотным, употребляли иногда еще один вариант — «великолужцы», а вся остальная армия продолжала писать и выговаривать: «великолукцы».

Точно так же вся армия могла говорить о солдатах и офицерах 85-го пехотного Выборгского полка: «выборжцы». Но сами они называли

Драгун.
1756–1761 гг.

Офицер и рядовой кирасирских полков. 1732–1742 гг.

себя только «выборгцами», а в единственном числе — «выборгский».

Вообще, служившие в том или ином полку очень часто звались иначе, чем жители одноименного города. Окончания «-ич», «-анин» военный язык стремился заменить на стандартное «-ец». Так, солдат или офицер 1-го лейб-драгунского Мос-

ковского полка — не «москвич», а «московец»; 5-го гренадерского Киевского — не «киевлянин», а «киевец»; 14-го пехотного Олонецкого — не «олончанин», а «олонец»... Есть и исключения: в 173-м пехотном Каменецком служили все-таки «каменчане», во 2-м лейб-драгунском Псковском — «псковичи»... В 1870 — 1880-х годах «псковичами» часто называли и пехотинцев из 11-го пехотного Псковского; «псковцами» они окончательно стали лишь к началу XX века.

У некоторых частей были еще и прозвища. Иногда они отражали характерный внешний облик части. Так, в гвардии в 1857 году оказалось два кирасирских полка со схожими наименованиями, но разным цветом прикладного сукна (воротников, обшлагов, околышей и т. п.). Неудивительно, что за лейб-гвардии Кирасирским Его Величества полком с тех пор прочно закрепилось обиходное имя «желтых кирасир», а за лейб-гвардии Кирасирским Ея Величества — «синих кирасир». Вместо официального «кирасирский принца Альберта Прусского полк» (бывший Малороссийский) при Николае I гово-

Рядовой и трубач легкоконных полков.
1786—1796 гг.

ский полк прославился 4 мая 1877 года, когда с боем овладел Геллявердинскими высотами — ключом к крепости Ардаган. Это был наш первый успех в турецкую войну 1877—1878 годов, и с тех пор в обиходе елисаветпольцы традиционно именовались «геллявердынцами». Солдат же и офицеров 36-го пехотного Орловского полка после боев на Шипке стали называть «шипкинскими орлами».

Любопытно происхождение почетного прозвища 5-го гусарского Александрийского полка — «бессмертные гусары». Согласно полковому преданию, эта история началась 14 августа 1813 года, когда русско-прусская армия Г. Блюхера разгромила французов при Кацбахе. После боя Блюхер подъехал к особо отличившемуся Александрийскому полку... Александрийцы носили черные доломаны, а тут еще

Урядники Ставропольского и Хоперского казачьих полков. 1835—1838 гг.

рили: «зеленые кирасиры» — коротко и ясно!

После 1833 года улан Ямбургского полка вся русская кавалерия стала звать «кузнецами» или «угольщиками». Слишком уж мрачен был вид тогдашних ямбуржцев в конном строю: вороные лошади, темно-синие куртки, светло-синие шапки (светло-синие лацканы почти целиком закрывались конскими головами и шеями)... При Александре II полк «посветел», но кличку «угольщики» сохранил за собой вплоть до 1880-х годов. В свою очередь, ямбуржцы прозвали Владимирский уланский полк «яичницей» — за ярко-желтый цвет лацканов и шапок и рыжую масть лошадей.

Другие прозвища связаны с боевой историей части. Например, 2-й лейб-гусарский Павлоградский полк в 1870-х годах был известен под именем «шенграбенских гусар». Тут сыграл свою роль выход романа «Война и мир», напомнившего об участии павлоградцев в славном бою 4 ноября 1805 года при Шенграбене, где 5 тысяч русских дрались с 30 тысячами французов.

А 156-й пехотный Елисаветполь-

Штаб-офицеры Волынского и Ольвиопольского уланских полков. 1833 г.

и сражение шло под проливным дождем, так что полк «от конских копыт до верхушек киверов был залеплен грязью и даже вблизи казался совершенно черным. Нарочто ли, а вполне возможно, что и смешав на самом деле, генерал Блюхер сделал вид, что принял наших гусар за своих любимцев прусских

Tod Husaren («гусары смерти» — так звался прусский гусарский полк, одетый во все черное. — А. С.)⁸. Так он и обратился к Александрийцам, благодаря их за лихое дело: «Тод хузарен!» «Генерала Брюхова» русские войска любили и похвалими его дорожили. Однако название «гусары смерти» звучало несколько выспренне; к тому же «тод хузарен» легко было спутать с «танц хузарен» («гусарами-танцорами», то есть 11-м гусарским полком пруссаков). И тут полковнику князю В. Г. Мадатову — очевидно, по контрасту — вспомнилось название знаменитой гвардии древних персидских царей — «бессмертные»... Оно-то и прижилось вместо «тод хузарен» и дожило до 1917 года.

Боевая страда освятила и прозвище Кавказского стрелкового батальона (с 1856 года — Кавказский grenadierский стрелковый, с 1870-го — 1-й Кавказский стрелковый) — «гомборцы» (вообще-то данное по месту стоянки части — кахетинскому урочищу Гомборы). По свидетельствам ветеранов Кавказской войны, «раздававшиеся в разгаре боя слова: «держись, братцы, гомборцы идут!» поднимали дух солдата до крайнего напряжения⁹. И не зря: метко бившие из своих нарезных штуцеров «гомборские стрелки» не раз решали исход столкновения с горцами.

В конце XIX — начале XX века прозвища имели не только части, но и соединения. 1-ю бригаду 1-й

гвардейской пехотной дивизии в обиходе называли «Петровской»: оба ее полка — лейб-гвардии Преображенский и лейб-гвардии Семеновский — были основаны Петром Великим. А служившие в лейб-гвардии 1-й артиллерийской бригаде с гордостью именовали себя «бомбардирами». Это слово напоминало о том, что ядро бригады — 1-я батарея — ведет свою историю от бомбардирской роты Преображенского полка, капитаном которой был когда-то сам Петр I...

1-я бригада 1-й пехотной дивизии была известна под именем «бе-

пехоты — героев польской кампании 1831 года.

Но самым знаменитым соединением русской армии была, конечно, «железная бригада» — 4-я стрелковая. Это почетное прозвище она получила летом 1877 года, когда в составе отряда генерала И. В. Гурко вынесла на своих плечах основную тяжесть Забалканского похода (сам Гурко с тех пор ласково звал ее «золотой»). «Выдержанность, удивительная стремительность при наступлении, вера в свою непобедимость, меткий и только на близкие дистанции частый огонь, неутоми-

служила в 8-й армии еще одно прозвище — «пожарная команда». В июне 1916-го под Киселином, западнее Луцка, «железная дивизия» столкнулась со знаменитой германской «стальной дивизией»... «4 дня, — вспоминает Деникин, — немцы засыпали нас тысячами снарядов, много раз переходили в атаки, неизменно отбиваемые. И однажды утром перед их позицией появился плакат «Ваше русское железо не хуже нашей германской стали, а все же мы вас разобьем».

«А ну, попробуй!» — гласил короткий ответ моих стрелков.

Смерть генерала Кульнова. 1812 г.

лой бригады»: входившие в нее 1-й пехотный Невский и 2-й пехотный Софийский полки с 1833 года выделялись белыми выпушками на мундирах и фуражках (вся остальная армейская пехота имела алые или малиновые). Этую выпушку невцы и софийцы унаследовали от влитых в их полки частей морской

мощь в походах»¹⁰ — вот чем славились «железные стрелки» — 13, 14, 15 и 16-й стрелковые батальоны (с 1888 года — полки).

Поистине «золотой» и «железной» оказалась эта бригада (с 1915 года — дивизия), ею командовал генерал А. И. Деникин. Направляемая на самые опасные участки, она за-

20 июня, после 42-й атаки, «Стальную» дивизию, ввиду больших потерь, отвели в резерв¹¹.

Известен случай, когда прозвище получило подразделение. Речь идет о 2-й сотне 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. «Ее никто не называет «второй», — писал в 1904 году военный

Рядовой и обер-офицер пехотного полка. 1786—1796 гг.

корреспондент В. И. Немирович-Данченко. — Она везде известна под именем «Волчьей» сотни. ... Так их окрестили в китайском походе (1900 года. — А. С.), так это и осталось за ними...

— Почему же вас окрестили волками?

— Спросите у китайцев, у их генерала Ма...»¹²

Да, прозвища нашим войскам давал и враг. После кампании 1807 года французы надолго запомнили «синих гусар» — Гродненский гусарский полк. «Железных стрелков» турки в 1877 году звали «кара-шайтанами», то есть «черными чертами». Летом 1877-го 4-я стрелковая бригада действительно выглядела черной, так как, в отличие от других войск, не сменила темно-зеленые (почти черные, цвета мундира) шаровары на белые летние.

Не менее страшны были в ту войну туркам «медные лбы» (или «медные головы») — драгуны 16-го Нижегородского полка, воевавшие в парадных киверах с большими медными гербами, и «желтые погоны», то есть Кавказская гренадерская дивизия.

За боевые подвиги часть могла получить не только почетное про-

звище, но и новое официальное имя. Таких случаев можно насчитать пять (мы не учитываем перемены в наименовании, обусловленные другой наградой — пожалованием «прав и преимуществ» гвардии и иных привилегированных войск). Расскажем об одном из них.

Пехотный Ренцеля полк — часть с удивительной историей. 2 февраля 1706 года под Фрауштадтом в Силезии шведы разбили брошенный союзниками русский корпус генерала Востромирского. Старший из оставшихся в живых офицеров подполковник С. фон Ренцель не пал духом. Собрав около 1600 уцелевших солдат, он сколотил из них полк и вывел его на территорию союзной Саксонии. Однако в сентябре того же года Саксония была занята шведами, и Ренцелю пришлось уходить еще дальше на запад. Прорвавшись с боем через

Гренадер и офицер. 1793 г.

В. Л. Боровиковский.
Портрет генерала Боровского. 1799 г.

Тюрингенский лес, горсточка русских солдат пересекла всю среднюю Германию и вышла к Франкфурту-на-Майне. Здесь Ренцель, чтобы сохранить людей, поступил вместе с полком на австрийскую службу. Перезимовали в Пфальце, а в мае 1707 года Ренцель повел полк на соединение с армией Петра I. 1200-

верстный марш через Баварию, Австрию, Чехию, Моравию и Польшу был проделан всего за месяц и оценен Петром как «чудный и в свете небывалый». За свой «анабасис» полк Ренцеля, не в пример прочим именовавшимся еще по шефам, в 1707 году был назван Саксонским. В 1727-м полк был переименован в Сузdalский. Именно под таким названием принял его в 1763 году 33-летний полковник Александр Суворов.

Примечания

1. Фадеев Р. А. Вооруженные силы России. М., 1868. С. 113.
2. Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкendorфа о Кавказской летней экспедиции 1845 года. СПб., 1911. С. 45.
3. История лейб-гвардии Егерского полка за сто лет. 1796—1896. СПб., 1896. С. 365.
4. Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 347.
5. См.: Зезюлинский Н. К родословию 34-х пехотных полков Петра I. Пг., 1915. С. XV, XIX.
6. Русский архив. 1876. Кн. 3. С. 347.
7. См.: Хроника Российской императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. Ч. II, IV—VI. СПб., 1852.
8. Бронской С. Александрийцы в сражении под Кацахом 13—14 августа 1813 года. Арзамас, 1913. С. 3—4.
9. Арутюнов Ф. Гомборцы. История 1-го Кавказского стрелкового Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича батальона. СПб., 1898. С. 471.
10. М. Ч. Дневник офицера//Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877—1878. Т. I. СПб., 1879. С. 101.
11. Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1990. С. 251—252.
12. Русско-японская война. М., 1905. С. 215.